

● Навстречу 100-летию М. В. Юдиной

Мария Вениаминовна Юдина к концу жизни считала для себя исчерпанной всю фортепианную литературу — потому и бросилась с головой, как в омут, в Neue Musik, то есть музыку, написанную на Западе после 1950 года. Прокофьев тоже был для нее, по ее собственному признанию, "разгадан". Но играть музыку этого композитора она продолжала, так же, как до конца дней включала в свои программы Шуберта, Моцарта, Бетховена, не говоря уже о боготворимом ею Бахе. Юдина хорошо понимала, что содержание неисчерпаемо, несмотря на "разгаданность" формы, что подлинное творение вечно остается неразгаданным до конца. Вспоминается в этой связи последнее исполнение Марией Вениаминовной прокофьевских "Мимолетностей" в 1965-м — в этой трактовке пьесы представляли исполненными непостижимой, мистической глубины.

Мария Вениаминовна ничто не ценила в жизни так, как дружбу, и Прокофьев осыпал ее своим постоянным вниманием. По ее просьбе он сделал транскрипцию Второй сюиты из балета "Ромео и Джульетта", и Юдина стала первой, после автора, исполнительницей этой сюиты (по рукописи). Прокофьев дарил ей свои ноты, их совместное исполнение Второго фортепианного концерта в 1938-м вызвало потрясение у слушателей.

Ниже публикуется письмо М. В. Юдиной к В. А. Власову — композитору, в то время директору и художественному руководителю Московской филармонии. В нем идет речь о первых концертных исполнениях оперы "Война и мир" в БЗК 7, 9 и 11 июня 1945 года. Упомянутый в конце письма С. А. Самосуд — выдающийся дирижер, руководитель премьеры; Прокофьев в письме к Власову называет данное исполнение "блестящим" и благодарит Самосуда, который "с такой любовью и таким мастерством разучил оперу и провел всю работу". Кроме того, в письме упомянут В. Н. Сурин — ныне забытый, но в те времена влиятельный чиновник.

Письмо хранится в архиве М. В. Юдиной в Российской государственной библиотеке (ф. 527, к. 9, ед. хр. 41, лл. 1-6).

«Мировое значение Прокофьева

не нуждается ни в чьей защите, но...»

В Дирекцию Филармонии.
Открытое письмо.

Многоуважаемый Владимир Александрович!

(И другие товарищи — если этот факт зависел от ряда лиц).

Сокращение исполнения "Войны и мира" Сергея Сергеевича Прокофьева сперва на исполнении 9-го с/м, а затем вчера, 11-го представляется ряду слушателей глубочайшим заблуждением. 9-я картина — одна из наиболее замечательных по замыслу и выполнению, по гениально решенным задачам драматургическим и композиционным, по блеску инстру-

ментовки, по отдельным моментам глубочайшего содержания (Платон Каратаев, казни, появление Наполеона), по музыкально-историческим связям с прошлым, по максимальному воздействию эмоциональному, по грандиозности патриотической насыщенности — является едва ли не центральной в произведении. Как могла подняться рука на "на пожар Москвы", близкий каждому сердцу и наконец-то воспетый во всем величии наших дней и во всем совершенстве мастерства С. С. Прокофьева!

Как могла подняться рука на сокращение чего бы то ни было — в момент фактического испол-

нения, не предусмотренное заранее, во-первых, и в присутствии автора, по болезни не имеющего возможность выразить тот или иной протест, во-вторых?

Не смею говорить за Сергея Сергеевича: возможно, по тем или иным неведомым мне причинам, он бы вообще и в другом случае протеста не выразил, но на исполнении 9-го он не присутствовал, как известно, а 11-го был достаточно пассивен.

Мировое значение, национальное и всемирно-историческое С. С. Прокофьева вообще и "Войны и мира" в частности — общеизвестно и не нуждается ни в чьей защите, но вечное неожиданное

сокращение есть искажение замысла, и я говорю от лица аудитории, желавшей испытать полную чашу гениальности Льва Толстого и Сергея Прокофьева и приглашенной таковую испытать.

За отсутствием времени (ибо, как известно, следом идут два моих выступления 17-го и 18-го с/м), я не имею возможности собирать подписи к сему письму, но мои разочарование и протест вчера разделили целый ряд людей, среди коих было множество профессоров разных высших учебных заведений, представители высшего командования Красной Армии, не говоря уже о профессиональных музыкантах и молодежи.

И ради чего сие было допущено? Дабы раньше кончить? Но с праздников никто особенно не стремится домой, ибо они редко имеют место, а общество живет и дышит именно праздниками, а не буднями. Ведь 7-го до 1 часу ночи никто не тронулся с места! И грандиозный репетиционный труд таким образом частично пропал втуне!

Мы все надеемся услышать поскорее сие творение полностью. Но, во всяком случае, примите и глубочайшую благодарность за самый факт исполнения. Чрезвычайно благодарю Комитет по делам искусств, Вас как директора филармонии, С. А. Самосуда, оркестр, хор и солистов за осуществление сего громадного события и за превосходное исполнение особо.

Я же позволю себе считать и свое скромное мнение значимым, как исполнительница, — иногда первая, иногда единственная — многих сочинений С. С. Прокофьева.

М. В. ЮДИНА.

Р. S. Копии сего письма посылаю С. А. Самосуду и В. Н. Сурину. Москва, 12 июня 1945 года. Сытинский тупик, д. 3, кв. 20.

Прокофьев Сергей Серг.

01.99